

ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ПЕРИОД В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Развитие военного дела в Западной Европе в XVI веке

Аннотация. В статье исследуется процесс развития военного дела в Западной Европе в XVI веке.

Ключевые слова: история войн; эволюция в военном деле; фортификация; пехота и кавалерия; лучники и мушкетёры.

Summary. This article examines the development of military arts in Western Europe in the XVI century.

Keywords: History of wars; evolution in military arts; fortifications; infantry and cavalry; archers and musketeers.

В 1937 году английский историк Ч. Оман, оценивая развитие военного искусства в XVI столетии, отмечал, что «шестнадцатый век — самый неинтересный период в европейской военной истории»¹. Однако не прошло и двух десятилетий, как другой британский историк, М. Робертс, посчитал уместным взглянуть на этот «неинтересный период» под другим углом зрения. Он полагал, что, хотя в военной истории XVI века и не было ярких страниц, «если рассматривать её не как историю битв и сражений, а как историю развития военного дела», всё будет выглядеть совершенно иначе. Таким образом М. Робертс, предложив взять за оценочный критерий идею военной революции, посчитал целесообразным более глубоко исследовать переход военного дела в Европе на качественно иной уровень развития — от войн «первой волны» к войнам «второй волны»². Призыв сторонника «первостепенности революции» в военном деле стал предметом оживлённейшей дискуссии³.

За пятьдесят с лишним лет обсуждения концепция, выдвинутая М. Робертсом, претерпела определённые изменения. Так, по мнению английского историка Дж. Паркера, гипотеза о военной революции в Европе на рубеже Средневековья и Нового времени в наиболее сжатом виде может быть представлена следующим образом. «Трансформация военного дела в Европе на заре Нового времени, — считал он, — включала в себя три основных компонента: широкое использование огнестрельного оружия, распространение новых систем фортификации и рост численности армий»⁴. Кроме того, Паркер полагал, что предложенные единомышленником «временные рамки военной революции» необходимо несколько расширить, т.е. столь противоречивый период в военной истории не суживать до формальной вековой продолжительности (1560—1660 гг.), а подходить к нему более вдумчиво и объективно, рассматривая происходившие реформаторские преобразования в военном деле с конца XV до начала XVIII века⁵. Однако противники концепции Робертса и Паркера, считая, что для описания характера растянутых во времени перемен термин революция не подходит, поскольку «размывает» стройную идею, предложили использовать иной — эволюция⁶.

Военная революция как исторический феномен имеет сложный, многоуровневый характер. Первый её этап, т.е. время накопления количественных изменений и осмысления полученного опыта по внедрению новых военных

технологий, как раз и пришёлся на XVI век⁷. Этому предшествовал процесс постепенного внедрения пороха и огнестрельного оружия в военную практику армий Западной Европы, что совпало по времени с изменениями в структуре и тактике западноевропейских армий, смещением баланса между пехотой и конницей в сторону тяжёлой пехоты. Всё это заставило европейских военных теоретиков и практиков всерьёз задуматься над тем, как совместить родившуюся на полях сражений XV века тактику с новыми технологиями, в частности решать проблему сочетания удара и огня.

По взглядам одних «революционный», других «эволюционный», путь развития и совершенствования в военном деле оказался достаточно долгим и извилистым. В так называемые Итальянские войны 1494—1559 гг. ведущие державы Европы (Франция, Испания и Римская империя) вступили, придерживаясь в большей или меньшей степени одной и той же военной системы, в основе которой лежали действия сомкнутой в колонны и вооружённой древковым холодным оружием пехоты. Последняя, как отмечал М. Робертс, положила конец доминированию на поле боя тяжёловооружённой рыцарской конницы⁸. Обладавшая колоссальной ударной мощью и устойчивостью на поле боя, она отступила на второй план не только рыцарей, но и пеших стрелков — лучников и арбалетчиков, хотя сомкнутые колонны последних, если взять любое крупное сражение 1-го периода Итальянских войн, повсеместно решали исход того или иного сражения. Например, при Чериньоле (1503 г.) испанцы разбили французам во многом благодаря умелым действиям стрелков. Спустя 10 лет в сражении при Равенне меткий огонь французской артиллерии вынудил испанскую рыцарскую конницу атаковать противника преждевременно, обеспечив тем самым успех французской коннице. Под Бикоккой (1522 г.) стрельба имперской артиллерии и аркебузирова опустошила густые колонны швейцарских пикинёров и лишила их главного преимущества — таранного удара массы людей, где напор передних шеренг постоянно подкреплялся давлением шеренг задних.

И всё же, несмотря на очевидные успехи, отзывы об огнестрельном оружии долго оставались не слишком восторженными. «Шпага, которую мы держим в руке, — выразил недоверие к нему один из исследователей, — гораздо надёжнее, чем пуля, вылетающая из пистолета, в котором столько различных частей — и порох, и кремль, и курок, откажись малейшая из них

служить — и вам грозит смертельная опасность... Что касается огнестрельного оружия, то... если не считать грохота, поражающего уши, к которому теперь уже привыкли, то я считаю его малодейственным и надеюсь, что мы в скором времени от него откажемся»⁹.

Однако прогресс брал своё, и, хотя из-за несовершенства огнестрельного оружия длинная пехотная пика продолжала господствовать на поле боя, такое положение не могло оставаться неизменным. Да и никто из полководцев XVI века не собирался отказываться от использования огневых средств, пусть они и были ещё недостаточно надёжны, скорострельны и точны. Для военных специалистов и начальников того времени, в отличие от иных теоретиков и публицистов, было ясно, что «лучник мог выпустить больше стрел в минуту, чем мушкетёр», но «эффективность его стрельбы, особенно дальность, была меньшей», что «хороший лучник, для того чтобы иметь необходимые меткость и скорострельность, должен был тренироваться всю жизнь, тогда как мушкетёра можно было подготовить за неделю»¹⁰. Именно поэтому никто на поле боя не рисковал бросать в схватку колонны тех же пикинёров, не обеспечив им поддержку со стороны конницы, стрелков и артиллерии.

Важным фактором в развитии военного дела явилось утверждение новой фортификационной системы в ответ на усовершенствование артиллерии, против которой прежние средневековые крепости и замки оказались слишком неустойчивыми.

Главным отличием новой средневековой фортификации (*trace italienne*) от прежней стала замена традиционных крепостных башен и стен низкими и мощными земляными с каменной или кирпичной облицовкой бастионами и валами, начертание фронта которых позволяло подвергнуть штурмующего противника перекрёстному обстрелу¹¹. К середине XVI века густая сеть крепостей и городов, построенных заново или модернизированных согласно принципу *trace italienne*, покрыла всю Европу¹². Как отмечал Ф. Бродель, к концу Итальянских войн наступило время, когда «не то чтобы города нельзя было уже брать внезапной атакой, как, скажем, Дюрен в 1544 году, Кале в 1558-м или Амьен в 1596-м, но уже как бы предчувствовался реванш крепости, наступление эпохи научно разработанной тактики осады и обороны...»¹³.

Не менее серьёзные перемены произошли в это время и с рыцарской конницей позднего Средневековья, переживавшей в первой половине XVI века глубокий кризис. Однако отказаться от неё было невозможно, что вынуждало западноевропейских военачальников и теоретиков искать выход из кризисной ситуации, в результате чего «рыцарство превращалось в кавалерию»¹⁴. Разница же между средневековой рыцарской конницей и кавалерией Нового времени заключалась прежде всего в том, что «в основе рыцарства находится квалифицированный одиночный боец, в основе же кавалерии — тактические единицы, составленные из всадников»¹⁵.

Опыт Итальянских войн со всей наглядностью показал, что всадник для успешной борьбы с пикинёром нуждается прежде всего в «длинной

руке», т.е. в оружии, используя которое он сможет поразить пехотинца с его пикой, не вступая с ним в непосредственный контакт. Такой «длинной рукой» стало огнестрельное оружие. Изобретение (приблизительно в 1520-х гг.) пистолета с колесцовым замком позволяло пробиваться сквозь ряды неприятельской пехоты самостоятельно, без помощи собственных мушкетёров. «Обрадованная конница, — заключал М. Робертс, — поспешила принять его [пистолет] на вооружение»¹⁶. «С изобретением колесцового замка, — вторил ему М. Ховард, — всадник получил возможность находиться в седле с уже заряженным огнестрельным оружием, и конница в течение короткого времени отказалась от «белого оружия», предпочтя ему пистолеты»¹⁷.

Так родились рейтары, наиболее частое упоминание о которых относится ко времени Шмалькальденской войны (1546—1547 гг.) и которые вскоре стали представлять серьёзную силу. Они окончательно отказались от применения копья, вооружившись исключительно 3—4 пистолетами и шпагами. Их-то французский король Генрих II, готовясь к новой кампании и стремясь продемонстрировать противникам преимущества по-новому оснащённой и организованной кавалерии, и определил как ударное ядро армии. Появление рейтаров породило и своеобразную тактику действий — *caracole*¹⁸. Построенные глубокой колонной, всадники медленно сближались с неприятелем. Достигнув нужной дистанции, первая шеренга разряжала пистолеты, поражая врага почти в упор, и тут же возвращалась назад для перезарядки оружия. После этого атака повторялась. Оценивая подобные действия конницы, Г. Дельбрюк замечал: «Ротмистр, который довёл свой эскадрон до того состояния, что он с точностью производит «караколе», очевидно, держит своих людей в руках и располагает действительно дисциплинированным отрядом... Без большого старания и труда над каждым человеком, над каждой лошадью, без внимания и напряжения воли, без умения владеть оружием и навыка этого не добиться. Раз «караколе» с точно выполненным заездом и стрельбой — налицо, то налицо и тактическая единица, в которую вработался каждый рейтар как рядовой член её, а глава и душа которой — вождь, ротмистр...»¹⁹.

К середине XVI века вместе с последовательным утверждением новой тактики, учитывающей происходившие в военном деле в последние годы Итальянских войн изменения²⁰, поставили перед военачальниками и военными теоретиками Западной Европы насущный вопрос: в какой пропорции нужно сочетать пикинёров, аркебузирова и мушкетёров с лёгкой конницей, рейтарами и жандармами²¹.

В 1536 году испанский король и германский император Карл V издал так называемый Генуэзский ордонанс, согласно которому в порядке эксперимента провёл реформирование пехоты, дислоцированной в Италии, из прежних громоздких батальонов в более компактные формирования — *tercio* численностью 2500—3000 солдат (10—12 рот по 250—300 солдат в каждой)²². Признанный удачным опыт постепенно распространился на всю испанскую и часть

имперской пехоты, причём численность *tercio* к концу века ещё более сократилась, составив в среднем 1500—1800 человек²³.

Оценивая значимость тактической реформы Карла V, М. Робертс отмечал: «*Tercio* стало самым прославленным образцом превосходства пехоты в эпоху, когда пика была «королевой поля боя». 3-тысячный *tercio* с его окруженным по периметру шеренгами аркебузировам массивным квадратом пикинёров и алебардьеров и четырьмя «рукавами» аркебузировам по углам квадрата представлял первую серьёзную попытку тактической комбинации огнестрельного оружия с пиками: стрельба аркебузировам разрушала бы строй противника, открывая дорогу пикинёрам, а пики создавали защитный вал или полый квадрат, за которым или внутри которого аркебузиры могли достаточно быстро найти убежище...»²⁴.

Испано-имперские *tercio*, сохранившие достаточную ударную силу и вместе с тем отличавшиеся повышенной огневой мощью в сравнении с классическим боевым порядком швейцарцев или ландскнехтов, почти на три четверти столетия установили своё господство на полях сражений²⁵. Из сочетания ударной мощи глубоких, сомкнутых построений пикинёров, огневой мощи мушкетёров и подвижности рейтар, поддерживаемых артиллерией, окончательно сформировалась испано-католическая военная школа, которая стала модернизированным, доведённым до максимального совершенства вариантом ренессансной системы. Она полностью заменила собой позднесредневековую ренессансную, основанную на действиях нескольких массивных батальонов пехотинцев, оснащённых древковым оружием, поддерживаемых огнём немногочисленной артиллерии, стрелков и жандармов.

Характеризуя новую военную систему, необходимо отметить, что при всех изменениях в целом она всё также была ориентирована на полевые, генеральные сражения, в которых решалась главная задача — разгром неприятельской армии. Только в чистом поле войска, построенные и обученные действовать согласно принципам испано-католической военной системы, могли реализовывать в полной мере свои достоинства. Осадная и тем более малая война для них не являлась основной, так как в этих условиях они не могли использовать тактические преимущества. Наступление — главный тактический приём армии, действовавшей в рамках этой системы. И хотя огнестрельное оружие стало играть более значительную, нежели в начале XVI века, роль, тем не менее повторимся — основной ударной силой такой армии оставались массивные формации пикинёров, вооружённых длинными пиками²⁶. Мушкетёры, рейтары и артиллерия всего лишь подготавливали и обеспечивали атаку пикинёров, защищая их от действий неприятеля и расстраивая вражеские колонны таких же мушкетёров, рейтар и пикинёров. В итоге исход битвы решался рукопашной схваткой противоборствующих сторон, и в сражении побеждал тот военачальник, солдаты которого, как пехотинцы, так и кавалеристы, оказывались более опытными, закалёнными и многочисленными. Грубая сила по-прежнему доминировала над искусством.

Испано-католическая военная школа пришла к более или менее удачному компромиссу в использовании холодного и огнестрельного оружия, что для своего времени оказалось весьма успешным. Поскольку военное дело во второй половине XVI века развивалось чрезвычайно стремительно, особенно его техническая сторона, то недостатки *tercio* становились всё более и более очевидными. «Большая масса *tercio* обеспечивала его инерцией, — отмечал М. Робертс, — чтобы сопротивляться, и импульсом в нападении (если мушкетёры не оказывались на его пути в момент столкновения); но оно слишком расточительно расходовало своих людей: если отбросить их вес, то внутренние шеренги и ряды *tercio* практически не участвовали в бою... Ещё более расточительным было *tercio* и в плане огневой мощи. Невысокая скорострельность мушкета неизбежно вела к тому, что в стремлении поддержать непрерывность огня мушкетёры выстраивались по крайней мере в десять рядов и обучались последовательной стрельбе шеренгами с их последующей сменой — манёвр, известный как контрмарш...». Однако, размышлял историк, такой манёвр был применим только частично, т.е. мушкетёрами-застрельщиками, стоявшими перед фронтом боевого порядка. Мушкетёры же на флангах каре пикинёров могли вести лишь «спорадический и неэффективный огонь», в то время как находившиеся в тылу и вовсе не могли стрелять, «если только *tercio* не оказывалось окружено». Отсюда Робертс делал вывод, что «совмещение мушкета и пики в конечном итоге не привело к их плодотворному сотрудничеству, напротив, только ослабив их сильные стороны»²⁷.

При эффективной дистанции «пальбы из пистолетов», не превышавшей 10 м, конница могла действовать исключительно в глубоких боевых порядках, медленно выдвигаясь на расстояние действительного выстрела и затем отходя в сторону посредством *caracole*.

К концу XVI века «лихая атака» практически себя изжила. «Основа тактики кавалерии — использование воздействия человека и лошади, чтобы разрушить порядок противника, — писал исследователь, — была полностью утрачена, сохранившись только в Польше; кавалерия стала неполноценным родом войск, пригодным только для того, чтобы вести бой на пистолетах с точно такой же кавалерией с другой стороны»²⁸. Таким образом, единственный род войск, способный действовать быстро и энергично, утратил в значительной степени свои манёвренные качества.

Особенно непригодным *tercio* оказалось, как уже отмечалось, для ведения осадной войны. Глубокие колонны пикинёров, пусть даже и окружённые несколькими шеренгами мушкетёров и аркебузировам, и столь же глубокие колонны рейтаровам были здесь почти бесполезны, так как им негде было развернуться и показать свои наилучшие качества. Между тем уже последний этап Итальянских войн продемонстрировал, насколько сложно овладеть крепостью или городом, укреплённым согласно принципам *trace italienne*. Количество полевых сражений начало сокращаться, тогда как осады снова заняли первое место. «Осады... стали глав-

ным событием в сухопутной войне после того, как бастионная система получила широкое распространение, — отмечал Дж. Паркер, — сражения стали редкими, и чаще всего они были связаны с осадами (к примеру, когда требовалось отразить попытку неприятеля снять её)²⁹. Даже победа в полевом сражении не гарантировала успеха до тех пор, пока в руках противника оставались крепости и укрепленные города. Война затягивалась до бесконечности, становилась процессом³⁰, а инструмент, которым европейские монархи стремились вести «политику иными средствами», оказался непригодным для решения тех задач, которые перед ним ставились.

Глубокий кризис, в котором оказалось военное дело Западной Европы к концу XVI столетия, показал, что доведённая до максимальной степени совершенства позднесредневековая военная традиция, опиравшаяся на соответствующие политические, социальные и экономические институты, исчерпала отведенный ей запас прочности. Развиваться «вширь» она уже не могла. Требовался переход ко второму, главному этапу военной революции — к созданию новой военной традиции, основанной на качественно иных параметрах. Эта трансформация была немыслима без серьёзной перестройки государственного аппарата и развития экономики, цель которых заключалась прежде всего в изыскании необходимых, в первую очередь внутренних, ресурсов для завершения военной революции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Parker G. The «Military Revolution», 1560—1660 — a Myth? // The Journal of Modern History. Vol. 48. № 2 (June 1976). P. 195.*

² См., например: *Тоффлер Э. Война и антивоина. М., 2005. С. 63—76.*

³ Более подробно см.: *Frost R.J. The Polish-Lithuanian Commonwealth and the «Military Revolution» // Poland and Europe: Historical Dimensions. Vol. 1. Selected Essays from the Fiftieth Anniversary International Congress of the Polish Institute of Arts and Sciences of America. N.-Y., 1993. P. 19—23; Lynn J.A. Review Essay: Clio in Arms: the Role of the Military Variable in Shaping History // The Journal of Military History. Vol. 55. № 1 (Jan., 1991). P. 83—95; Parrott D. The Constraints on Power: Recent Works on Early Modern European History // European History Quarterly. 1990. Vol. 20. P. 101—108; Rogers C.J. The Military Revolution in History and Historiography // The Military Revolution Debate. Boulder-Oxford, 1995. P. 3—7.*

⁴ *Parker G. The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500—1800. Cambridge, 1988. P. 43.*

⁵ *Roberts M. The Military Revolution, 1560—1660 // Roberts M. Essays in Swedish History. L. 1967. P. 195; Parker G. The «Military Revolution», 1560—1660 — a Myth? // The Journal of Modern History. Vol. 48. № 2 (June 1976). P. 197—213.*

⁶ *Hale J.R. War and Society in Renaissance Europe, 1450—1620. N.-Y., 1985. P. 46; Lynn J.A. The Evolution of Army Style in the Modern West, 800—2000 // The International History Review. XVIII. № 3 (Aug., 1996). P. 505—545.*

⁷ Более подробно см.: *Пенской В.В. Военная революция в Европе XVI—XVII веков и её последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 198—201.*

⁸ *Roberts M. Gustav Adolf and the Art of War // Essays in Swedish history. L., 1967. P. 56.*

⁹ *Монтень М. Опыты. М., 1992. Т. 1. С. 309, 310.*

¹⁰ *Parker G. Europe in Crisis 1598—1648. Ithaka, 1979. P. 68.*

¹¹ См.: *Duffy C. Siege Warfare. L., 1979. P. 29—34.*

¹² *Childs J. The Military Revolution I: The Transition to Modern Warfare // The Oxford Illustrated History of Modern War. Oxford, 1997. P. 27.*

¹³ *Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 2006. Т. 1. С. 356.*

¹⁴ *Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. С. 87.*

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Roberts M. Gustav Adolf and the Art of War... P. 57.*

¹⁷ *Howard M. War in European History. L., 1976. P. 34.*

¹⁸ В пехоте тактика *caracole* впервые была применена испанскими аркебузирами в сражении при Бикокке (1522 г.) согласно инструкции, составленной перед боем маркизом Пескара (см.: *Leon de F.G. Spanish Military Power and the Military Revolution // Early Modern Military History. 1450—1815. N.-Y., 2004. P. 28.*)

¹⁹ *Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. С. 93.*

²⁰ Характерна в этом плане эволюция испанской конницы. В 1573 г. герцог Альба имел в составе своей армии 35 рот кавалерии с 4780 всадниками, в том числе тяжёловооружённых жандармов около 3000. Спустя 6 лет король Филипп II указал, чтобы в ротах легкой кавалерии не менее 1/5 солдат были вооружены аркебузами (12 всадников из 60). В дальнейшем численность тяжёлой конницы падала столь стремительно, что к середине 90-х годов XVI века она стала чрезвычайно малочисленна и не играла серьёзной роли в испанской армии. Ей на смену пришла лёгкая кавалерия. Большая часть кавалерии фландрской армии в 1594 г. была вооружена огнестрельным оружием (см.: *Leon de F.G. Op. cit. P. 35.*)

²¹ Жандармы постепенно выродились в кирасир. И. Вальгаузен, немецкий военный теоретик начала XVII века, по этому поводу размышлял так: «Отнимите у копейщика [жандарма] его доброго коня и копьё, дайте ему лошадь похуже, и вы получите кирасира; таким образом, последний — ничто иное, как полукопейщик... На свете больше мужиков, чем хорошо обученных наездников и рыцарей: ерго, мужики имеют преимущество перед рыцарями» (цит. по: *Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. С. 100.*) По мнению исследователя, пусть и относительно плохо обученные, на худших по качеству лошадях кирасиры, действующие в составе сплочённых тактических единиц, своей массой задавят блестящих, но немногочисленных и атакующих по старинке жандармов.

²² *Childs J. Op. cit. P. 23; Leon de F.G. Op. cit. P. 31.*

²³ Из-за боевых и небоевых потерь численность tercio нередко падала до 1000 и даже менее солдат. Если в 1573 г. 269 рот испанской пехоты насчитывали около 57,5 тыс. человек, т.е. в среднем около 200 в каждой роте, то в 1594-м средняя численность последней в tercio упала до 100 (см.: *Leon de F.G. Op. cit. P. 35.*)

²⁴ *Roberts M. Gustav Adolf and the Art of War... P. 58.*

²⁵ Испанский историк Ф. де Леон по этому поводу писал, что для 1560-х гг. «испанская тактика и организация вместе с итальянской фортификацией представляли высшее достижение военной революции на то время» (*Leon de F.G. Op. cit. P. 40.*)

²⁶ Пики имели в длину до 18 футов (примерно 4,5 м) (см.: *Colin M., Parker G. The Spanish Armada. L., 1988. P. 36.*)

²⁷ *Roberts M. Gustav Adolf and the Art of War... P. 58, 59.*

²⁸ *Ibid. P. 57, 58.*

²⁹ *Parker G. Europe in Crisis 1598—1648. Ithaka, 1979. P. 67.*

³⁰ Характеристику войны как «процесса» см.: *Lynn J. The French Wars 1667—1714. The Sun King at War. Oxford, 2002. P. 33.*

В.В. ПЕНСКОЙ

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 08-01-93203 а/К и внутривузовского гранта БелГУ 2008 г.